

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.11

EDN: OUDCHY

Научная статья

Research article

КИТАЙСКИЕ ГУМАНИТАРИИ В РОССИЙСКОЙ АСПИРАНТУРЕ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛИИ

**Кононенко
Евгений Иванович¹**

¹ Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

Для цитирования: Кононенко Е. И. Китайские гуманитарии в российской аспирантуре: ожидания и реалии // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 158–176. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.11. EDN OUDCHY.

Аннотация. Растущее количество китайских соискателей вынуждает говорить об «образовательной экспансии», выгода от которой для российской науки невелика. Данные опросов обучающихся в России граждан КНР свидетельствуют, что качество получаемой подготовки не удовлетворяет их спрос на образовательные услуги. Откровенно пониженные требования к «китайским диссертациям» девальвируют российские учёные степени и противоречат стремлению к повышению конкурентоспособности отечественной науки. В статье рассматриваются некоторые очевидные проблемы, возникающие при обучении граждан КНР в аспирантуре российских вузов и НИИ по гуманитарным научным направлениям (на примере искусствоведения). Исследование базируется на данных о защитах китайских соискателей на сайте ВАК РФ и обращает внимание на дублирование и незначительность избираемых тем исследований, слабость научного руководства, «облегчённость» требований к качеству диссертаций, недостаточную подготовленность вузов и диссоветов к работе с иностранцами в целом.

Ключевые слова: китайские соискатели, высшая школа, аспирантура, диссертационные советы, методика научной работы

CHINESE HUMANITIES SCHOLARS IN RUSSIAN POSTGRADUATE EDUCATION: EXPECTATIONS AND REALITIES

Evgenii I. Kononenko¹

¹ The State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

For citation: Kononenko E. I. Chinese humanities scholars in Russian postgraduate education: Expectations and realities. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):158–176. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2025.7.1.11.

Abstract. The growing number of Chinese applicants forces us to talk about “educational expansion”, the benefit from which is small for Russian science. Survey data of Chinese citizens studying in Russia indicate that the quality of the training they receive does not satisfy their demand for educational services. The obviously lowered requirements for “Chinese dissertations” devalue Russian academic degrees and contradict the desire to increase the competitiveness of national science. The article examines some apparent problems that arise when teaching Chinese citizens in humanities postgraduate programs at Russian universities and research institutes (drawing on the case of art history). The study is based on data on defenses of Chinese applicants provided on the website of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. It draws attention to the duplication and insignificance of selected research topics, the weakness of academic supervision, the “easiness” of requirements for the quality of dissertations and the insufficient preparedness of universities and dissertation councils to work with foreigners in general.

Keywords: Chinese applicants, higher school, postgraduate education, dissertation councils, methods of research work

Несмотря на очевидные проблемы и противоположные оценки направления реформирования, российские «образовательные услуги» сохраняют привлекательность для иностранцев – свидетельством тому является количество поступающих в российские колледжи и вузы граждан других государств. Россия заняла 8-е место в мире по количеству обучаемых иностранных граждан [1, с. 214]. Правда, по сравнению с советским временем произошло «замещение» студентов и аспирантов из стран СЭВ «образовательными мигрантами» из азиатских и африканских государств. Возникает, однако, диспропорция: если представители, например, Вьетнама, Бангладеш, Сирии, Йемена предпочитают получать востребованные «утилитарные» профессии (медики, фармацевты, педагоги, инженеры) и ограничиваются дипломом специалиста, то многие выходцы из «более благополучных» стран нацелены на продолжение обучения в аспирантурах российских вузов и научных институтов¹, причём значительное их число выбирают гуманитарные дисциплины, специфический российский опыт в которых может лишь с оговорками применяться в научных школах других стран [2; 3; 4].

¹ Для поднимаемых вопросов различия между аспирантами и соискателями, а также между кафедрами вузов и отделами и секторами НИИ не представляются существенными.

Не удивительно, что подавляющее большинство иностранцев, поступающих в российские аспирантуры, – граждане КНР. О причинах выбора китайцами именно российского высшего образования написано много [5; 6; 7; 8], но эти причины мало объясняют и интерес китайцев к гуманитарным наукам, и удивительную статистику: анализ объявлений о защитах на сайте ВАК за отдельно взятые периоды показывает, что общее число выполненных китайцами исследований по некоторым гуманитарным дисциплинам (например, по филологии и искусствоведению) превышает четверть всех защит; страницы диссоветов свидетельствуют, что в некоторых организациях количество работ китайских соискателей достигает трёх четвертей от общего числа принятых диссертаций. «Академическая мобильность» приобретает характер экспансии, обслуживание которой определённо требует значительных ресурсов. Вопрос – получает ли российская гуманитарная наука какую-либо пользу – перестаёт быть риторическим.

Десятилетие назад А. Г. Ларин, анализируя подготовку китайских специалистов в России, был вынужден отметить низкий международный престиж российского образования, «пониженный барьер для иностранцев, поступающих в российские вузы», «альтернативные, облегчённые пути получения дипломов, порождённые коррупционной средой вкупе с укоренившимся снисходительным отношением вузов к платным студентам»; был сделан осторожный вывод: «Китай больше заинтересован в интенсивном образовательном сотрудничестве и, в частности, в обучении своих студентов в России, чем сама Россия» [9, с. 287–288]. Пять лет назад в исследовании социологов РГСУ эти выводы были лишь переформулированы [10, с. 154–156].

За последние годы привлекательность российского образования для китайцев возросла, в КНР создаются «подготовительные базы для учёбы в России», отечественные и китайские вузы разрабатывают совместные программы обучения и т. д. [11; 12; 13; 14; 15]. Защищенные в России диссертации китайских соискателей уже стали частью отечественной историографии и постепенно оформляются в отдельный объект исследования [16; 17; 18].

В данной статье обратим внимание лишь на некоторые аспекты подготовки китайских соискателей учёных степеней по искусствоведению; однако выделяемые на примере данных специальностей проблемы, наверняка, являются общими для всех гуманитарных (и не только) дисциплин.

Прежде всего необходимо чётко понимать цели и возможности обучения граждан КНР в российской аспирантуре. К сожалению, в очень многих случаях углублённое изучение дисциплины и приобретение навыков исследовательской работы – это «сопутствующие цели». Не секрет, что китайцев интересует прежде всего сама учёная степень.

В России во многих гуманитарных дисциплинах наличие кандидатской степени воспринимается едва ли не как обязательное условие для работы в научном учреждении, хотя в последние десятилетия вследствие многочисленных лишений оно оказалось значительно девальвировано. В Китае учёные степени и звания котируются высоко, поскольку обеспечивают и карьерный рост, и значительную прибавку к зарплате: неслучайно китайцы приходят в недоумение по поводу материальной оценки труда российских учёных.

Кроме того, при трудоустройстве в китайский вуз или научную организацию при равных прочих условиях соискатель с иностранной степенью имеет заведомое преимущество.

При сложившемся скептическом отношении к российским учёным степеням возникает логичный вопрос: если для китайцев приоритет имеет любая иностранная учёная степень, то почему многие из них при почти недостижимом для нас высоком уровне «академической мобильности» поступают именно в российскую аспирантуру и пытаются защититься в России? Одним из важнейших факторов выбора России китайскими учащимися является низкая стоимость обучения [12, с. 479]. Статистика показывает, что почти 20% китайских студентов, оказавшихся в России, изначально нацеливались на другие страны (в первую очередь – географически близкие к Китаю страны Азии, затем следуют Европа и США). Немаловажными аргументами для предпочтения России оказываются низкая стоимость проживания, транспортная доступность, простота оформления визовых документов и низкие требования к приёму в российские вузы [1, с. 221–222]. Не последнюю роль играют личные связи и наличие студенческих диаспор, облегчающих языковую, бытовую и культурную адаптацию.

Россия для китайских соискателей – преимущественно поставщик дипломов о присуждении учёных степеней, причём поставщик тендерный, т. е. конкурентно дешёвый и удобный для адаптации. Российское образование привлекает тех, кто, не получив высоких баллов за *гаокао* (аналог ЕГЭ), не имеет шансов на поступление в хорошие китайские вузы либо не может позволить себе образование в Европе или в США [1, с. 232; 10, с. 151–153].

К чести китайцев необходимо отметить, что подавляющее большинство из них готовы к полноценному обучению в аспирантуре и серьёзной научной работе. Присуждённая степень как показатель этой работы открывает желанные перспективы трудоустройства и карьерного роста. Китайцы заинтересованы в овладении российским (как и любым зарубежным) образовательным и научным опытом; платя за обучение, они надеются получить полезный для дальнейшей работы на родине багаж знаний, умений и навыков. Для отделов аспирантуры и руководства отечественных вузов и НИИ появление иностранных соискателей – безусловное благо: это немаловажный источник внебюджетного финансирования, показатель «международного сотрудничества», бюрократический критерий «авторитетности» и «востребованности» для составления различных рейтингов.

Простота оформления документов, необходимых для прикрепления к аспирантуре, приводит китайцев в восторг и вводит в заблуждение, потому что после благоприветствования со стороны руководства вуза они тотчас сталкиваются с «благопрепятствованием» на уровне кафедр и секторов, где будет проходить их обучение. Не секрет, что подавляющее большинство научных руководителей характеризуют опыт работы с китайскими аспирантами как предельно непродуктивный, а словосочетание «китайская диссертация» используется для обозначения некачественной, пустословной, мелкотемной и зачастую несамостоятельной научной работы. Правда, в последние годы предвзято-негативное отношение к защищённым диссертациям китайских аспирантов в российской

академической среде несколько смягчилось, но не столько из-за их возросшего качества, сколько из-за требовательности ряда диссоветов, отклоняющих заведомо слабые работы. Некоторые диссоветы негласно устанавливают своего рода квоту на приём к защите «китайских диссертаций».

Нормативные требования к обучению в аспирантуре, аттестации и диссертациям в России едины, какие-либо особенности работы с иностранцами в них не отражены. Практика показывает, что представления новоявленного соискателя о требованиях к научной работе и методах исследования могут значительно отличаться от привычных академических норм. Эти отличия в компетенциях в значительной степени объясняются не личными качествами, а различием в программах подготовки и государственных стандартах образования, но преодоление этих различий, безусловно, нельзя возлагать на сотрудников кафедр и секторов. Многие иностранные соискатели вообще не представляют себе содержание, объекты и методы «науки об искусстве» в отечественном понимании (так, в китайской номенклатуре специальностей это «Антропология»), – для них это сродни «рассказам о картинках», тем более что новомодное название группы специальностей «5.10.3 – Виды искусства» (против размытости которого безрезультатно выступают все причастные) способно ввести в заблуждение кого угодно. «На искусствоведение» в российские аспирантуры поступает большое количество китайских художников, музыкантов, актёров, явно не склонных к научной работе и предпочитающих участие в выставках, концертах и спектаклях конференциям молодых учёных.

Можно ли исправить ситуацию? Например, в РГПУ им. А. И. Герцена в последние годы китайские выпускники магистратуры поступали в аспирантуру только после прохождения годичной стажировки, отдельного собеседования и курса обучения по программе «Научные исследования в области искусствознания», которая призвана улучшить уровень русского языка и определить направления будущего исследования. По завершении программы граждане КНР получают отдельный диплом, а при демонстрации успехов в освоении русского языка и искусствознании – рекомендацию в аспирантуру РГПУ. За время стажировки не только китайцы успевают адаптироваться к российской образовательной системе и понять особенности конкретной дисциплины, но и будущие учителя и коллеги – оценить склонности и возможности потенциального соискателя.

Обучение в аспирантуре далеко не всегда завершается защитой диссертации, и зависит это не только от успехов конкретного соискателя, но и от диссовета. Не все организации, имеющие аспирантуру, открывают диссоветы, и целый ряд соискателей вынуждены «пристраивать» свою диссертацию в диссоветы других организаций. Лишь немногие диссоветы принимают работы «чужих китайцев», а некоторые крайне скептически относятся и к «своим» (обучавшимся в аспирантуре этой же организации) и находят формальные предлоги отказать в приёме работы к защите (часто вопреки давлению ректоратов). Кроме того, не исключаются случаи, когда и результаты защиты оказываются негативными, и ВАК отменяет положительное решение диссовета... Конкурентные преимущества, которые степень может дать в Китае, сохраняют актуальность лишь до достижения 36-летнего возраста (чтобы обеспечить занятие вакансии

профессора в престижном китайском вузе); после этого присуждение российской степени китайцу малоинтересно. Несмотря на прилежание и трудолюбие, свойственные гражданам КНР, и их искреннее желание приобрести знания и навыки, полезные в дальнейшей работе, «образовательная миграция» в Россию при отсутствии гарантий защититься в срок теряет привлекательность.

Потенциальные соискатели обычно идут наиболее простым путём: получив документ об обучении в аспирантуре известных в Китае российских вузов с высоким рейтингом, пытаются защититься в диссоветах, имеющих репутацию более «лояльных», обеспечивая подобным организациям и внебюджетное финансирование (через краткосрочное прикрепление), и славу «диссеродельных фабрик». Кроме того, следует иметь в виду и факт, о котором китайские соискатели сообщают при личном общении: защита в определённых диссоветах оказывается слишком затратной, и не всегда речь идёт только об оформлении официального прикрепления для защиты... Подобные «расценки» хорошо известны в среде китайских аспирантов, они становятся известны и китайской прессе и превращаются в «репутационные издержки» и «имиджевые потери», отрицательно влияющие не только на рейтинги наших диссоветов и вузов, но и, как следствие, – на перспективы российских образовательных проектов [9, с. 287–288]. Здесь следует отметить, что, например, иранские организации, заинтересованные в подготовке научных кадров, следят за подобными рейтингами, руководствуются ограниченным списком «доверенных» вузов с аспирантурами и запрещают своим соискателям защищаться в диссоветах вне этого списка.

Пожалуй, наиболее важные и ответственные для любого аспиранта и для принимающей его кафедры моменты – определение темы исследования и назначение научного руководителя. В случаях с китайскими соискателями эти «оргмоменты» превращаются в серьёзные проблемы: перспектива руководить работой и доводить до аттестации и защиты неизвестного, слабо подготовленного (как правило), плохо говорящего по-русски (как правило) будущего учёного, не представляющего себе (как правило) научной проблематики, методики, историографии мало кого вдохновляет. Перед кафедрой открываются два простых и логичных пути: поручить научное руководство китайским аспирантом либо самому опытному, либо самому молодому сотруднику.

В первом случае предполагается, что мэтр имеет большой опыт научного руководства, прекрасно представляет себе конъюнктурность тем (их работанность в историографии, необходимый круг источников, возможность обосновать актуальность темы, сформулировать теоретическое значение исследования и практическое применение его результатов), приобрел навык разнообразить «повороты» одних и тех же исследовательских сюжетов и выделять различные «предметы исследования» применительно к одному и тому же объекту, облачая их в инновационные наукообразные формулировки. Кроме того, у маститого учёного и педагога наверняка есть и определённый «исследовательский задел», которым он вполне может поделиться с аспирантами, а то и старые темы диссертаций, которые можно дополнить, развить, «актуализировать», даже пересмотреть в свете новых данных или с привлечением иных аргументов... В опубликованном обзоре диссертаций, выполненных

китайскими искусствоведами в РГПУ им. А. И. Герцена, среди руководителей указаны всё больше профессора, зав. кафедрами и даже декан факультета... [17, с. 16–18]. Опытные руководители извлекают из такого педагогического опыта определённую пользу: во-первых, за руководство аспирантами (тем более иностранными) во многих организациях доплачивают; во-вторых, количество защищённых учеников – аргумент при назначении, присвоении, избрании и обретении иных академических благ.

Во втором случае руководство «тёмной лошадкой» по принципу «а больше никому!» и под предлогом необходимого приобретения опыта навязывается начинающему преподавателю. Такой руководитель вполне может взяться за дело с полной отдачей, вдохновиться миссией культуртрегерства, придумать изощрённую тему; однако весь его опыт ограничивается собственной диссертацией. Он уже знает, как работать с материалом и как писать текст, но часто ещё не представляет, как именно этому учить, насколько нагружать и что именно требовать. Он знает предмет и объект собственного исследования, но пока ещё с трудом представляет себе, какими могут быть «шаг влево, шаг вправо»... Неудивительно, что молодым руководителям зачастую проще писать диссертацию самим или «в тесном соавторстве» с китайским аспирантом, чем объяснять, как её надо писать, и тем более требовать результат надлежащего качества и в назначенный срок. Через какое-то время «неподготовленность к работе с китайской аудиторией российских преподавателей, незнание их этнопсихологических особенностей и характерной для китайской системы образования принципов обучения приводят к раздраженности научных руководителей, которые не могут добиться от китайских аспирантов каких-либо результатов научной деятельности. Некоторые научные руководители, наоборот, сочувственно относятся к своим подопечным, считая, что требования к диссертациям в Китае принципиально иные, и требуется время, чтобы китайский аспирант смог адаптироваться и понять требования к диссертации в российском вузе» [18, с. 278].

Совместная работа аспиранта и научного руководителя над текстамиощряется и не является препятствием для защиты. Соавторство в этом случае логично и оправдано – хотя бы потому, что именно руководителю приходится редактировать написанный китайским аспирантом текст, готовить его к публикации, оформлять по требованиям конкретных изданий. Аспиранту – реальная помощь, руководителю – бонус в виде пары-тройки ВАКовских публикаций по «смежной» теме; а если в названии опубликованных статей окажутся какие-либо формы слова «китайский», то такие статьи молодой российский учёный, когда к нему обратятся из другого диссовета, смело укажет в «сведениях об оппоненте», и поди поспорь, что он не является экспертом в любой отрасли синологии или даже востоковедения в целом...

В России довольно быстро формируется особый круг специалистов, готовых оппонировать диссертации иностранцев по любым темам, при этом не знающих ни языков, ни историографии, ни культуры «подведомственных регионов», приобретших лишь скороспелый опыт работы с аспирантами. Достаточно посмотреть документы на сайтах диссоветов, «специализирующихся» на защитах иностранных соискателей, чтобы убедиться: оппонентами на таких защитах

выступают, как правило, одни и те же люди, чьи научные интересы далеки от тем диссертаций, но «заклучения диссовета» канцелярски-однообразно настаивают на их компетентности, и чаще всего такие декларации удовлетворяют ВАК. Есть и учёные, некогда известные как хорошие узкие профессионалы, после занятия руководящих должностей лишь наращивающие списки публикаций и создающие себе репутацию «специалистов во всём» благодаря совместным с аспирантами (преимущественно иностранными) статьям, размещаемым в вузовском журнале, «обслуживающем» местный диссовет...

Ассоциации «китайских диссертаций» с мелкотемьем и пустословием, к сожалению, не безосновательны, и вопросы о действительной ценности исследований рождает уже беглое ознакомление с названиями работ на сайтах диссоветов и ВАК.

К сожалению, в российской практике не существует единого реестра предлагаемых соискателям тем диссертаций, которые были бы действительно актуальны и востребованы. Обоснование теоретического и практического значения исследования – задача самого соискателя степени, но ни для кого не секрет, что требуемые п. 8 «Положения о присуждении...» «решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний... или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны» – симуляция. Необходимые разделы «Научная новизна», «Актуальность», «Практическая значимость» с небольшими вариациями черпаются из аналогичных работ и потом наукообразно подтверждаются в отзывах ведущих организаций [19, с. 333–336]. Те научные учреждения, которые откровенно стремились отказаться от притока китайских соискателей, просто предложили абитуриентам список тем, разработка которых была бы интересна именно самим учреждениям, и достигли желаемого результата.

Предполагаемая слабость подготовки китайских соискателей вынуждает кафедры и научных руководителей придумывать для них «облегчённые темы» – не те, которые были бы интересны и перспективны с исследовательских позиций, а с которыми соискатель заведомо справится: по которым существует достаточное количество литературы, имеются схожие разработки и т. д. Члены учёных советов, на которых утверждаются аспирантские темы, неоднократно признавались, что подобную формулировку российскому исследователю предлагать было бы неловко.

В силу полученной на родине научной подготовки и определённых традиций китайской гуманитарной науки аспиранты из КНР склонны не к аналитике, а к описательности. Актуальность работы для них связана в первую очередь с обращением к культурному наследию Китая и ограничивается самим фактом этого обращения. В собственном представлении они являются некими «первооткрывателями», проливающими свет на абсолютно не известные за рубежом области китайской культуры. Уважение к историографической традиции таково, что чем богаче библиография – тем тема выглядит важнее, и приоритетом становится не новизна ракурса исследования или оригинальность точки зрения, но встраивание своей работы в цепочку уже существующих; при этом не зная в необходимой степени русского языка и не желая (а то и попросту не умея) работать с русскоязычной научной литературой, китайские аспиранты обращаются

по большей степени лишь к китайским источникам. С наработками западных или российских гуманитарных дисциплин аспиранты-китайцы редко знакомы, а ценность собственных разработок (как теоретическая, так и практическая) оценивается лишь из потенциальной пользы для китайской науки. Отсюда узкая направленность их научных интересов и ограниченность (во всяком случае, на начальном этапе обучения) научного кругозора.

Важная особенность китайского научного мышления – необходимость формулировки рекомендаций для продолжения исследований, которое подаётся как перспектива развития целой научной отрасли и приобретает глобальный характер. Отчасти отсюда проистекает и характерная постановка целей и задач, непомерных ни для отдельного узконаправленного исследования, ни для ограниченного объёма текста диссертации. Соответствуют ли привлекаемые аргументы этим целям и задачам – аспирант-китаец вряд ли самостоятельно задумывается, ему порой достаточно двух-трёх хрестоматийных памятников, чтобы на 160 страницах очертить историю развития всей китайской культуры на протяжении пары тысяч лет. Таковы же будут выводы: слишком общие, лишённые конкретики и причинно-следственной связи. Это исследование прямолинейное, оно не нуждается в сомнениях, уточнениях, поиске параллелей, отступлениях: цель сформулирована во введении, соответствующие ей выводы понятны изначально, всё, что между, – лишь необходимый «наполнитель», своего рода «гарнир». Вопросы «Из чего следует такой-то вывод?», «Правомерно ли выделять предложенный ракурс при исследовании избранного объекта?», «Не надо ли дополнительно доказать такой-то тезис?», «Можно ли объяснить феномен иначе?», – вызывают искреннее недоумение. Поверхностное исследование, откровенно неприличное и недопустимое для российского соискателя, в случае защиты китайских граждан вполне устраивает и кафедру, и диссовет, и ВАК.

Российские вузы часто предлагают китайским аспирантам темы сравнительного характера, чтобы хоть как-то связать их интерес и имеющийся у них материал с российской методологией, предполагая, что молодые учёные смогут ввести в отечественную науку достижения китайских коллег, позволяющие судить об особенностях подходов и методик или же раскрывающие особенности и результаты адаптации российской культуры в Китае. Даже простой, но качественный анализ имеющейся китайской историографии по различным проблемам и вопросам, грамотное изложение особенностей восприятия китайской аудиторией отдельных событий и явлений, взгляды китайских критиков могли бы стать востребованной научной работой. Однако чаще всего и этого не происходит.

Анализ объявлений о защитах показывает, что в последнее десятилетие с завидной регулярностью появляются «китайские диссертации» с полностью совпадающими объектом, предметом, целями, аргументацией и выводами. Так о «современной китайской скульптуре» созданы (и успешно защищены) три однотипные работы, о традиционных жанрах в современной китайской живописи – шесть, о становлении в Китае живописи маслом – не менее четырёх, об общем влиянии советской живописи на становление китайского изобразительного искусства – минимум пять, а если разнообразить базу аргументов

и добавить сюда оговоренные в названиях конкретные жанры живописи, различные техники графики, книжную иллюстрацию – получим ещё дюжину вариантов трактовки адаптации отечественного опыта в китайском изобразительном искусстве. Создание «китайских диссертаций» на однотипные темы поставлено на конвейер, в защитах задействованы одни и те же диссоветы, организации и люди («узок круг...»), пользы ни российской, ни китайской науке никакой, растёт лишь количество выдаваемых дипломов о присуждении степени.

Некоторые китайские соискатели самостоятельно предлагают предмет, который интересен им, с лёгкостью убеждают руководителей, кафедры и учёные советы в перспективности исследования, и после окружения такого предмета некоторым количеством наукообразных терминов рождается формулировка темы, которую можно дополнительно аргументировать «обращением иностранного учёного к национальной культуре» и «введением в отечественную науку новых данных». Сложность заключается в том, что знакомство научных руководителей, сотрудников кафедр, членов учёного и диссертационного советов с избранным предметом чаще всего приходится оценивать как факультативное. Этому есть целый ряд объяснений: курсы истории, культуры, искусства Востока в европоцентричных учебных программах российских вузов читаются по остаточному принципу и, как правило, недостаточно подготовленными преподавателями, не являющимися специалистами, не знающими проблематики, историографии (как отечественной, так и европейской), текстов и памятников. В такой ситуации иностранный аспирант ощущает себя культуртрегером, просветителем и едва ли не первооткрывателем, свободным в постановке вопроса, выборе аргументов, подборе памятников, трактовках, оценках, а главное – работе с литературой [3, с. 9; 4, с. 188], небезосновательно полагая, что те, от кого будет зависеть оценка его работы, не знают ни китайского языка, ни китайской историографии и соответственно не смогут ни оценить (не)полноту и (не)оригинальность исследования, ни выявить переводной плагиат.

«Почему-то» особое внимание соискателей из КНР привлекло искусство далекой эпохи Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.): в течение трёх лет российская наука обогатилась как минимум четырьмя исследованиями памятников данного периода. Не обойдены вниманием китайских диссертантов оказались и фрески в буддийских пещерных монастырях Цяньфодун: несмотря на обширную библиографию (российскую, англоязычную, китайскую), отечественная наука почти одновременно приросла сразу тремя выполненными в разных организациях исследованиями. Стандартно-безликие формулировки обязательного параграфа «Актуальность исследования» никак не объясняют важность изучения именно ранних китайских памятников для российского искусствоведения. В то же время целый ряд интересных и малоизвестных в России памятников, действительно специфических художественных явлений и серьёзных исследовательских проблем китайской культуры остаются «не востребованными» ни диссертантами, ни их руководителями, ни кафедрами.

Научные руководители упомянутых исследований не являлись синологами и могли представить себе объект исследования лишь по аналогии с другими произведениями, не погружаясь в китайскую специфику. Таким руководителям

оставалось лишь полностью доверять аргументам и мнению своих аспирантов, подбирать лояльных оппонентов и надеяться, что защита останется незамеченной специалистами по культуре Китая. Говорить о научной ценности «диссертаций по аналогии» не приходится – подобный продукт напоминает результат применения хорошо известного Диссернету метода «мясо – шоколад» [20].

Очевидно, что «пониженный барьер» для иностранных учащихся, о котором говорилось ещё в начале 2010-х гг. [9], «вырос» незначительно, а «укоренившееся снисходительное отношение» распространяется не только на дипломы, но и на защиты.

Ещё один аспект, откровенно портящий жизнь отделам аспирантуры, имеющих дело с китайскими соискателями, – необходимость обеспечения публикаций в «рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ». Несколько лет, проведённых в российском вузе, большинству иностранцев для овладения русским языком недостаточно; «уверенного владения языком в бытовой и профессиональной сферах» достигает лишь четверть опрошенных китайцев [12, с. 479; 1, с. 224, 231]. Проблема обучения китайских учащихся русскому языку осознана и описана [21; 22]), но уровень владения иностранными соискателями языком общения и профессиональной терминологией к моменту защиты зачастую не позволяет оценить квалификацию молодого учёного.

Принимая диссертацию к защите и обеспечивая соискателю режим наибольшего благоприятствования, диссоветы обычно стараются трактовать любые понятийные вольности, явные противоречия, грубые нарушения логики как «трудности перевода», а требуемая протоколом «дискуссия» сводится к декларациям об укреплении международного сотрудничества и важности культурных контактов. При этом членов диссоветов не смущают многочисленные случаи, когда автор грамотного русскоязычного текста на защите не может внятно прочесть по бумажке вступительную речь и понять задаваемые ему вопросы. А вот экспертные советы ВАК уже недоумевают: «Как могла быть защищена диссертация, написанная на русском языке, если при вызове “на ковёр” её автор не может понять задаваемые экспертом вопросы?», и такие далеко не единичные прецеденты становятся поводом для вынесения замечаний диссоветам.

И всё-таки иностранные аспиранты сталкиваются с необходимостью написания текстов (мы не рассматриваем случаи заказных работ). Безусловно, эти тексты нуждаются в редакторской правке, которую могут осуществлять друзья, коллеги, научные руководители; не запрещено и не зазорно привлечь к работе профессиональных редакторов и корректоров. Подавляющее большинство коллег, имеющих опыт руководства китайскими соискателями, признавались, что «правила» их диссертации перед сдачей в диссовет окончательного варианта.

В некоторых случаях ответственный научный руководитель привлекает аспиранта (и не только иностранца) к участию в разработке интересующей его широкой темы, предлагая для посильного изучения частную задачу, связанную с собственным проектом. В процессе совместной работы научному руководителю проще и эффективнее направлять исследование, объяснять особенности работы, аргументировать необходимость доработки, дополнений, изменений. О привлечении нескольких аспирантов и сотрудников кафедры к одному большому исследовательскому проекту, сопоставимому с взаимодействием

в лабораториях, большинство гуманитариев могут лишь мечтать, поэтому выполнение части общей работы по принципу «делай как я» под постоянным контролем руководителя «проекта» для иностранных аспирантов может оказаться идеальным вариантом обучения.

Подобная организация работы над диссертацией полностью оправдывает соавторство статей и докладов аспиранта и его руководителя. Но уже по списку статей в авторефератах можно понять, как велась работа и какова доля участия каждого из соавторов: в одних случаях соискатель (вернее – его руководитель) ограничивается необходимыми двумя-тремя тезисами-отписками на одну и ту же сформулированную с незначительными вариациями тему по 3–4 странички в последних (перед датой защиты) номерах (а нередко и в одном номере) платного местечкового журнала (перечень «площадок» для публикаций, входящих в пресловутый «список ВАК» и при этом доступных китайским соискателям, весьма невелик), в других – авторский коллектив размещает разносторонние результаты исследования в авторитетных рецензируемых изданиях, дополняет необходимый минимум ещё несколькими «резервными» публикациями, сообщениями на конференциях разного уровня, статьями в энциклопедиях, словарях, популярных журналах... Скорее всего, и отзывы на автореферат во втором случае будут не только «по разнарядке» от преподавателей соседней кафедры, но и от известных учёных, причём по их собственной инициативе. Про первого соискателя мы больше никогда не услышим, а вот если второй останется на родной кафедре и продолжит сотрудничество с бывшим руководителем или вернётся в КНР и там будет исследовать начатую тему, регулярно выступая на российских конференциях, – это никого не удивит.

Однако необходимо оговорить, что в самом факте соавторства для китайцев кроются подводные камни. Для российских и европейских учёных совместный продукт нескольких авторов – привычное дело, и вопрос «Кого указывать первым?» чаще всего решается в алфавитном порядке или каким-то иным объяснимым способом. В китайской практике дело обстоит иначе: чье имя напечатано первым, тот и автор, остальные – просто «группа поддержки». Стоит обратить внимание на то, что китайцы, оформляя список литературы, часто «приписывают» ту или иную статью или монографию лишь одному «главному» автору, упоминая о наличии соавторов уже после выходных данных. По возвращении в Китай нашему бывшему аспиранту будет очень сложно подтвердить свой вклад в научную работу, если в списке соавторов он указан не первым, и никакие отсылки к иностранному алфавитному порядку не будут приняты во внимание. Наверно, руководителям китайских соискателей следует учитывать этот аспект и уступать им первое место в списке соавторов.

Работа с китайскими аспирантами требует акцентирования новизны, личного вклада и самостоятельности, причём речь идёт не столько о преднамеренном плагиате (не секрет, что иностранные учащиеся порой получают прямые инструкции по компиляции текстов [4, с. 190–191]), сколько о «традиционных установках» носителей культуры, разработавшей целую палитру жанров «воспроизведения», «подражания» и т. д. Объяснить китайцам требования к диссертации – задача непростая уже из-за очевидных различий в научных подходах и даже мировоззрении. Ценность собственной научной работы китайцы

часто видят не в оригинальности постановки вопроса и выделении объекта исследования, а в реферативном изложении проблемы и существующих взглядов, считая достаточным «личный вклад» в качестве «редактора-составителя». «Китаеориентированность», дополняемая незнанием европейских языков и историографии, часто приводит к поверхностному обзору, отсутствию научного контекста и невозможности оценивать (и тем более отстаивать) новизну собственного исследования.

Реферативность подобных работ неизбежно ведёт к тому, что их авторы не считают необходимым указывать источники цитирования. Создателям текстов кажется вполне достаточным один раз в историографическом разделе упомянуть, что этим вопросом уже занимались такие-то предшественники и для данной работы оказались наиболее полезны те или иные монографии и статьи, и далее приводить цитаты и мнения без многочисленных ссылок. Это не попытка выдать чужую идею за свою, присвоить формулировку, суждение или открытие, – это скорее отражение обычного для китайской традиции интеллектуальной работы предположения, что образованному читателю, обратившему внимание на предлагаемое исследование, хорошо известен не только его предмет, но и работы высококочтимых предшественников, причём известны настолько, что читатель в состоянии узнать цитату и отличить ранее сформулированную мысль от предлагаемого её дополнения. Отсутствие многочисленных ссылок воспринимается китайскими соискателями как уважительный реверанс научному руководителю и оппонентам, – они (китайские соискатели) с трудом представляют себе, что авторитетные специалисты, на коих возложены передача знаний и оценка научного труда, могут быть «не в теме».

Увы, эта стадия «наивности» быстро проходит – иностранные аспиранты легко убеждаются в том, что отечественные «авторитетные специалисты» действительно не могут распознать заимствования, особенно когда дело касается переводов с китайского, и, поскольку заинтересованы в благополучной защите, с готовностью воспринимают любой текст без ссылок как самостоятельную работу. Выполнение перевода рассматривается китайскими соискателями как сложная авторская работа, требующая необходимой квалификации. С китайского языка зачастую переводятся не только обширные фрагменты монографий и научных статей: несмотря на наличие на русском языке комментированных академических изданий, в текстах диссертаций в довольно корявом пересказе появляются и выдержки из античных авторов, и цитаты из хрестоматийной европейской литературы, ссылки на которые отправляют к продукции пекинских и шанхайских издательств.

Сноски в «китайских диссертациях» могут расставляться произвольно и относиться к любому высказыванию: довольно часто компиляция больших фрагментов чужого текста сопровождается «закавычиванием» лишь последнего абзаца или предложения, снабжаемым необходимой ссылкой. Придаться к «отсутствию сносок» в таком случае невозможно – они же есть! Создаётся видимость «квалифицированного цитирования» и правильного оформления аппарата, а «присвоение» крупного фрагмента текста при обнаружении легко выдаётся за опечатку – мол, открывающие кавычки «съехали». Такое оправдание охотно принимается диссоветами, а авторы отзывов всё равно единодушно

отметят «самостоятельность и оригинальность исследования» [4, с. 190–191]. Вузовская версия системы «Антиплагиат» не сопоставит русскоязычный текст с китайскими первоисточниками, доказательство «переводного плагиата» (если его кто-то и заметит) потребует привлечения переводчиков, владеющих научной лексикой, и следующее поколение китайских соискателей делает справедливый вывод: можно и так.

Именно режим «благоприятствования», обеспечиваемый отдельными диссоветами, создал негативную репутацию всем «китайским диссертациям» и, к сожалению, продолжает её укреплять. Эта репутация влияет на публикационную активность аспирантов: увидев явно китайское имя автора присланной статьи, большинство редакторов научных журналов предпочтут найти благоприятный предлог для отказа в принятии. Очень немногие китайские соискатели могут похвастаться наличием публикаций без соавторства в действительно авторитетных журналах (впрочем, такие журналы, заботясь о сохранении своей позиции в «квартилях», вообще стараются не злоупотреблять публикациями аспирантов). Уделом китайцев остаются, как правило, малозаметные вузовские журналы (или издания, как-либо «аффилированные» с диссоветом и чаще всего берущие плату за публикацию) и материалы конференций (зачастую именно благодаря участию китайских партнёров индексируемые в Scopus или WoS), формально обеспечивающие требуемый «апробационный минимум». Малозначительность подобных публикаций, количество которых растёт пропорционально увеличению количества китайских соискателей (учитывая необходимость для многих гуманитариев трёх ВАКовских статей – минимум 1:3), в свою очередь поддерживает мнение о несостоятельности большинства исследований аспирантов из КНР. Замкнутый круг...

Однако возрастающее число соискателей из КНР и представляемых к защите их работ – объективная реальность, и нет предпосылок к тому, что их станет меньше. Мы имеем дело с «образовательной миграцией», но, как и в случае с миграцией трудовой, почти не пытаемся изменить её качество.

Данные опросов показывают, что организация учебного процесса в России не оправдывает ожидания более половины китайских учащихся, причём процент «недовольных» растёт с количеством лет, проведённых в российском вузе [1, с. 226]. На этом фоне отчёты об успехах образовательных реформ и плодотворности международного сотрудничества оказываются очередной фикцией. Отстаивая высокое качество российского образования, мы предлагаем «образовательную услугу», качество которой даже у нас самих вызывает сомнения. Мы жалуемся, что наши дипломы не котируются за границей, и продолжаем выдавать дипломы и степени тем, чья работа объективно не соответствует критериям, обозначенным в наших же нормативных документах.

Очевидно, что создание внутривузовских барьеров – изобретение поводов для затруднения приёма иностранцев в аспирантуру, введение «квот» на защиты и т. д. – не окажется эффективным инструментом ни для ограничения «образовательной экспансии», ни для повышения некоего среднего уровня защищаемых диссертаций: в условиях «рынка образовательных услуг» спрос на эти самые услуги со стороны иностранцев неминуемо родит предложения, только усугубляющие ситуацию [23].

Наивно лишний раз призывать к следованию духу «Положений...», соблюдению академических критериев и заботе о репутации [19, с. 342–345]. Но российским образованию и науке было бы выгодно не только «остепенить» китайских соискателей, украсить отчётность и «подпитать» бюджет вузов и НИИ, но и попытаться извлечь пользу из присущих китайцам прилежания и работоспособности, «инкорпорировать» их исследования в отечественные научные программы.

Несложно создать совместные исследовательские проекты, работа над которыми была бы полезна как китайской, так и российской науке. Такое сотрудничество потребует единого планирования и распределения заданий между «рабочими группами», но этим как раз могли бы заняться китайские партнёры, благо у них, как показывает опыт организации технологических процессов, это прекрасно получается. Впрочем, научные сотрудники прекрасно представляют себе и академическую экспертизу госзаданий, и ЕГИСУ НИОКТР, позволяющие, в частности, выявить совпадения формулировок и контролировать ход работы над долгосрочными исследованиями, – по этому образцу мог бы функционировать единый реестр тем диссертаций. Если бы выполнявшиеся в разное время в разных организациях диссертации создавались в рамках подобных проектов, мы бы уже собрали, например, и «Свод памятников искусства династии Хань», и «Полную историю китайской живописи», и «Энциклопедию современной китайской музыки». Грамотное овладение китайскими исследователями отечественной методологией сделало бы такие комплексные работы востребованными и китайской наукой. Но, возможно, российских исследователей заинтересуют какие-то иные масштабные темы, в разработке которых участие исследователей из КНР оказалось бы не лишним. В большинстве крупных вузов есть «отделы по работе с иностранными учащимися» – пора бы им действительно поработать не только над решением бытовых вопросов.

Китайские аспиранты вполне могут превратиться из «балласта» (каковым их сейчас воспринимают на многих кафедрах) в полноправных и заинтересованных участников исследований. Им не нужно ни благоприятствовать, ни благопрепятствовать, – с ними надо просто работать, но не формально, не подстраивая академические требования под возможности иностранных соискателей, а добиваясь полного соответствия их работ российским стандартам.

Утопия ли это? Можно хотя бы попробовать...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования / В. Ю. Вашкявичус, Ю. Н. Кондракова, Е. С. Кузьмина, И. Б. Сметанников // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 213–237. DOI 10.17223/1998863X/65/19. EDN PYGENB.
2. Везевкин Л. П., Карелов С. В. Иностранные студенты в российских вузах: мотивы приезда и перспективы трудоустройства // Энергия: экономика, техника, экология. 2006. № 5. С. 68–72. EDN OPHECR.
3. Кононенко Е. И. Искусствоведческое образование в условиях рынка: российский опыт // Вопросы искусствоведения XX – начала XXI века : мат. Международной научно-практической конференции (Алматы, 5–6 апреля 2016 г.). Алматы, 2016. С. 5–11.

4. *Кононенко Е. И.* Разработка «восточных» тем в диссертациях российских аспирантов из арабских стран // Востокведение: история и современность : мат. Международной научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных, посвящённой 10-летию востоковедческого направления кафедры востоковедения и башкирского языкознания Башкирского государственного университета (Уфа, 6 декабря 2018 г.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 186–192. EDN YVICEX.
5. Интернационализация российских вузов: китайский вектор. М. : Спецкнига, 2013. 72 с. ISBN 978-5-91891-330-7. EDN VCBYVP.
6. *Гомбоева Д. О.* Характеристика реализации академической мобильности во взаимодействии российского и китайского профессионального образования // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 5 (64). С. 71–75. EDN VJLSFP.
7. *Старыгина А. М.* Интернационализация высшего образования в России в контексте двусторонних связей с Китаем // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 2. С. 280–290. EDN YLOVTZ.
8. *Леонтьева Э. О.* Социально-исторические факторы китайской образовательной миграции в Россию // Регионалистика. 2018. Т. 5, № 4. С. 35–40. DOI 10.14530/reg.2018.4.35. EDN VANVRF.
9. *Ларин А. Г.* Китайская образовательная миграция в России: невесёлая картина // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42, № 2. С. 285–289. EDN PYPNTX.
10. *Танатова Д. К., Погосян В. Г., Королев И. В.* Обучение китайских студентов в российских университетах: мотивация и демотивация // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 150–157. DOI 10.31857/S013216250004969-8. EDN SCSCHF.
11. *Ван Л., Баранова И. И.* Совместные образовательные программы китайских университетов с российскими вузами: состояние, тенденции и перспективы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 134–141. DOI 10.18721/JHSS.8116. EDN YRXLYP.
12. *Лань Л., Аликберова А. Р.* Анализ академической мобильности китайских студентов // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47, № 1. С. 471–481. EDN YUFBOP.
13. *Гурулева Т. Л.* Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 12. С. 93–103. DOI 10.31992/0869-3617-2018-27-12-93-103. EDN YQORLF.
14. *Донецкая С. С., Ли М.* Китайские студенты за рубежом: динамика численности и цели выезда // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 6. С. 153–168. DOI 10.31992/0869-3617-2020-6-153-168. EDN WEOKIO.
15. *Николаев В. К.* Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 2. С. 149–166. DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166. EDN NYVDVA.
16. *Есипова М. В.* Об особенностях изучения китайской музыки в России в XXI веке // Художественная культура. 2017. № 3 (21). Ст. 8. EDN YUCDYD.
17. *Некрасова-Каратеева О. Л.* Китайские аспиранты РГПУ им. А. И. Герцена о китайском искусстве // Искусство и диалог культур : сб. научных трудов XII Международной межвузовской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 марта 2018 г.) / под ред. С. В. Анчукова, Т. В. Горбуновой, О. Л. Некрасовой-Каратеевой. СПб. : Книжный дом, 2018. Вып. 12. С. 15–18. EDN UPNEWU.
18. *Иванова Л. В.* Особенности обучения китайских учащихся в аспирантуре МГХПА им. С. Г. Строганова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова. 2021. № 2. Ч. 2. С. 275–285. EDN VMSAPU.

19. Кононенко Е. И. Ещё раз о симуляции научной деятельности в гуманитарных дисциплинах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2021. Т. 11, № 2. С. 327–349. DOI 10.21638/spbu15.2021.209. EDN ODQWEV.
20. Ростовцев А. Метод «мясо – шоколад»: что это значит? // Дипломный проект. 2015. № 11. http://contrlist.ucoz.ru/index/diplomnyj_proekt_2015_11/0-1105 (дата обращения: 30.04.2024).
21. Балыхина Т. М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. 2-е изд. М. : РУДН, 2010. 344 с. ISBN 978-5-209-03404-9.
22. Би Нань. Практика обучения китайских студентов российских вузов устной речи на русском языке // Вопросы методики преподавания в вузе. 2022. Т. 11, № 4. С. 48–56. DOI 10.57769/2227-8591.11.4.04. EDN ZRUHUA.
23. Воробьева И. М. Иностранцы студенты в российском вузе: повышение конкуренции российского образования или вынужденная необходимость // Молодой учёный. 2015. № 10 (90). С. 1115–1119. EDN TWAQ SJ.

REFERENCES

1. Vashkyavichus V. Yu., Kondrakova Yu. N., Kuzmina E. S., Smetannikov I. B. What a Chinese student is looking for in Russia: An analysis of the educational needs of Chinese students in Russian universities. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2022;(65):213–237. (In Russ.). DOI 10.17223/1998863X/65/19.
2. Verevkin L. P., Karelov S. V. Foreign students in Russian HEIs: Motives for visits and employment prospects [Inostrannye studenty v rossiiskikh vuzakh: motivy priezda i perspektivy trudoustroistva]. *Energy: Economy, Technology, Ecology=Energiia: Ekonomika, Tekhnika, Ekologiya*. 2006;(5):68–72. (In Russ.).
3. Kononenko E. I. Art history education in market conditions: Russian experience [Iskusstvovedcheskoe obrazovanie v usloviyakh rynka: rossiiskii opyt]. In: Issues of art studies of the 20th – early 21st centuries [Voprosy iskusstvovedeniya XX – nachala XXI veka]: Proceedings of the International science-to-practice conference (Almaty, April 5–6, 2016). Almaty; 2016. P. 5–11. (In Russ.).
4. Kononenko E. I. Development of “oriental” topics in dissertations of Russian graduate students from Arab countries [Razrabotka «vostochnykh» tem v dissertatsiyakh rossiiskikh aspirantov iz arabskikh stran]. In: Oriental studies: History and modernity [Vostokovedenie: istoriya i sovremennost’]: Proceedings of the International science-to-practice conference for students, undergraduates, postgraduates and young researchers dedicated to the 10th anniversary of the Orientalism field of the Department of Oriental Studies and Bashkir Linguistics at Bashkir State University (Ufa, December 6, 2018). Ufa : Printing and Publication Center of Bashkir State University; 2018. P. 186–192. (In Russ.).
5. Internationalization of Russian universities: Chinese vector [Internatsionalizatsiya rossiiskikh vuzov: kitaiskii vector]. Moscow : Spetskniga; 2013. 72 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91891-330-7.
6. Gomboeva D. O. Characteristics of the implementation of academic mobility in the interaction of Russian and Chinese professional education. *Scholarly Notes of Transbaikal State University=Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2015;(5):71–75. (In Russ.).
7. Starygina A. M. Internationalization of higher education in Russia in the context of bilateral relations with China. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarii Yuga Rossii*. 2017;6(2):280–290. (In Russ.).

8. Leontyeva E. O. Socio-historical factors of Chinese educational migration to Russia. *Regionalistika*. 2018;5(4):35–40. (In Russ.). DOI 10.14530/reg.2018.4.35.
9. Larin A. G. Chinese educational migration in Russia: A sad picture [Kitaiskaya obrazovatel'naya migratsiya v Rossii: neveselaya kartina]. *Society and State in China*. 2012;42(2):285–289. (In Russ.).
10. Tanatova D. K., Pogosyan V. G., Korolev I. V. Chinese students in the Russian higher education institutions: motivation and demotivating. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;(5):150–157. (In Russ.). DOI 10.31857/S013216250004969-8.
11. Wang L., Baranova I. I. The state, tendency and prospect of the joint educational programs of Chinese universities with Russian universities. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2017;8(1):134–141. (In Russ.). DOI 10.18721/JHSS.8116.
12. Lanyi L., Alikberova A. R. Analysis of academic mobility of Chinese students. *Society and State in China*. 2017;47(1):471–481. (In Russ.).
13. Guruleva T. L. Joint educational programs of Russia and China: Status and problems of implementation. *Vysshee Obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2018;27(12):93–103. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2018-27-12-93-103.
14. Donetskaya S. S., Li M. Chinese students abroad: Dynamics of the number and aims of educational travel. *Vysshee Obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2020;29(6):153–168. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2020-6-153-168.
15. Nikolaev V. K. Exporting Russian higher education in the conditions of a new reality. *Vysshee Obrazovanie v Rossii=Higher education in Russia*. 2022;31(2):149–166. (In Russ.). DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166.
16. Esipova M. V. On the peculiarities of studying Chinese music in Russia in the 21st century [Ob osobennostyakh izucheniya kitaiskoi muzyki v Rossii v XXI veke]. *Khudozhestvennaya kul'tura=Art and Culture Studies*. 2017;(3):8. (In Russ.).
17. Nekrasova-Karateyeva O. L. Chinese postgraduate students of the Herzen State Pedagogical University of Russia on Chinese art [Kitaiskie aspiranty RGPU im. A. I. Gertsena o kitaiskom iskusstve]. In: Anchukov S. V., Gorbunova T. V., Nekrasova-Karateyeva O. L., eds. *Art and dialogue of cultures [Iskusstvo i dialog kul'tur] : Proceedings of the 12th International interuniversity science-to-practice conference (St. Petersburg, March 27, 2018)*. St. Petersburg : Knizhnyi dom; 2018. Issue 12. P. 15–18. (In Russ.).
18. Ivanova L. V. The peculiarities of post-graduate training of Chinese students in the Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts. *Decorative Art and Environment. Herald of the RGHPU*. 2021;(2–2):275–285. (In Russ.).
19. Kononenko E. I. Once again about simulation of scientific activity in the humanities. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*. 2021;11(2):327–349. (In Russ.). DOI 10.21638/spbu15.2021.209.
20. Rostovtsev A. The “meat – chocolate” method: What does it mean? [Metod «myaso – shokolad»: chto eto znachit?]. *Diplomnyi proekt=Diploma Project*. 2015;(11). Available at: http://contrlist.ucoz.ru/index/diplomnyj_proekt_2015_11/0-1105 (accessed: 30.04.2024) (In Russ.).
21. Balykhina T. M., Zhao Yujiang. From methodology to ethnomethodology. Teaching Russian to Chinese: Problems and ways to overcome them [Ot metodiki k etnometodike. Obuchenie kitaitsev russkomu yazyku: problemy i puti ikh preodoleniya]. 2nd ed. Moscow : RUDN; 2010. 344 p. (In Russ.). ISBN 978-5-209-03404-9.
22. Bi Nan. Practice of teaching Russian oral speech to Chinese students in Russian universities. *Teaching Methodology in Higher Education*. 2022;11(4):48–56. (In Russ.). DOI 10.57769/2227-8591.11.4.04.

23. Vorobyeva I. M. Foreign students at a Russian university: Increasing competition in Russian education or forced necessity [Inostrannye studenty v rossiiskom vuze: povyshenie konkurentsii rossiiskogo obrazovaniya ili vynuzhdennaya neobkhodimost']. *Young Researcher=Molodoi uchenyi*. 2015;(10):1115–1119. (In Russ.).

Поступила в редакцию / Received 18.11.2024.

Одобрена после рецензирования / Revised 13.01.2025.

Принята к публикации / Accepted 10.03.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Конonenко Евгений Иванович *j_kononenko@inbox.ru*

Доктор искусствоведения, заведующий сектором искусства стран Азии и Африки,
Государственный институт искусствознания, Москва, Россия
SPIN-код: 7487-2030

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenii I. Kononenko *j_kononenko@inbox.ru*

Doctor of Art Studies, Head, Department of Asian and African Art, the State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4579-8653
Scopus Author ID: 57197801366